

ДЖОН РЁСКИН

ДЖОН РЁСКИН

ЛЕКЦИИ
ОБ ИСКУССТВЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 75(410)
ББК 85.143(3)
P43

Художественное оформление серии Воробьева Александра

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фотопрепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии, фотографии, распространяемые по лицензии Creative Commons, а так же изображения по лицензии Shutterstock.

Рёскин, Джон

P43 P43 Лекции об искусстве/Джон Рёскин; пер. П.С. Когана — Москва : Издательство АСТ, 2019, — 464с. — (Библиотека Паолы Волковой).

ISBN 978-5-17-112022-1

Джон Рёскин (1819–1900) — английский писатель, художник, поэт, литературный критик, но более всего он известен как теоретик искусства, оказавший огромное влияние на развитие искусствоведения и эстетики второй половины XIX — начала XX века. Рёскин многое сделал для укрепления позиций прерафаэлитов, например, в статье «Прерафаэлитизм», а также сильно повлиял на антибуржуазный пафос движения. Кроме того, он «открыл» для современников Уильяма Тернера, живописца и графика, мастера пейзажной живописи.

«Лекции об искусстве» — фундаментальный труд Рескина, который он сам считал самым значительным своим произведением, в котором он изложил новую методологию анализа искусства. Искусство, по мнению Рескина неразрывно связано с моралью, религией, природой и человеческой жизнью в целом.

УДК 75(410)
ББК 85.143(3)

Научно-популярное издание

Джон Рёскин
ЛЕКЦИИ ОБ ИСКУССТВЕ

Подписано в печать 19.09.2018
Формат 60x90/16 Усл. печ. л. 29, 0
Тираж экз. Заказ №

Ведущий редактор *Мария Николаева*
Корректор *Ирина Мокина*
Технический редактор *Татьяна Тимошина*
Компьютерная верстка *Анны Грених*

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705,
пом. I, 7 этаж

Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО
(129085, Мәскеу қаласы, Звездный бульвары, 21-үй, 1-құрылым, 705-бөлме, I-жай, 7-қабат)
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Интернет-дуken: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., За, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 251 59 89, 90, 91, 92
Факс: 8(727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

ISBN 978-5-17-112022-1

© «Издательство АСТ», 2019

К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

1. Толчком к возникновению труда, который я предлагаю в настоящее время на суд публики, послужила поверхностная и ложная критика, которую мы ежедневно встречаем в периодических изданиях по отношению к произведениям великих современных художников; этих художников, главным образом, и касается моя работа. Сначала я имел в виду написать небольшую брошюру, чтобы высказать осуждение этим критикам за их поведение и манеру, а также указать на опасность, которая грозит нам благодаря тенденции этих руководителей общественного вкуса. Но по мере того, как пункт за пунктом выяснялись доводы, я почувствовал, что принужден изменить свое первоначальное намерение. Из того что сначала было только письмом к издателю «Обозрения», получилось нечто в роде трактата; я был обязан придать ему больше связности и полноты, отстаивая в нем такие мнения, которые ordinarily знатоку покажутся еретическими. Не знаю, не следует ли мне назвать свой труд «Опытom пейзажной живописи» и извиниться за обилие ссылок на творение специально одного художника или, называя свой труд критикой отдельных произведений, извиниться за пространное рассмотрение общих принципов. Но как бы ни смотрели на мою работу, мотивы, которые побудили меня взяться за нее, не должны быть истолкованы ложно. Ни забота о славе какого-нибудь художника, ни личные какие-нибудь чувства не имели ни малейшего значения для меня, не оказали на меня никакого влияния. Репутация великих художников, на произведения которых я, главным образом, ссылался, зиждется на слишком законных основаниях в глазах тех, чье поклонение достойно уважения, поэтому ее не могут поколебать саркастические насмешки невежд, претенциозные и аффектированные. Но когда вкус публики с каждым днем падает все ниже и ниже, когда печать употребляет все могущество, которым она располагает, на то, чтобы направить национальное сознание на все театральное, аффектированное и фальшивое в искусстве, когда она расточает свое сквернословие на самые возвышенные истины, на идеальнейший пейзаж, какой только видели наш и другие века, — в это время для каждого, кто чувствует и понимает истинно великое в искусстве, кто желает прогресса его в Англии, священнейший долг заключается в том, чтобы смело идти вперед; мы должны пренебречь теми частными

интересами, которым может повредить познание хорошего и верного, должны всюду, где только возможно, открывать и выяснять сущность и важное значение Прекрасного и Истинного.

2. То, что может показаться возмутительным или пристрастным при выполнении моей задачи, зависит не от характера моей работы, но от ее неполноты. Я не брался за систематическую критику всех современных художников. Я иллюстрировал каждое специальное качество, каждую истину искусства теми творениями, в которых они проявились в наиболее высокой степени. Я довольствовался сознанием того, что если люди в одном случае правильно поймут эти качества и истины и научатся находить в них прелесть, они сумеют также открыть и оценить их всюду, где бы эти свойства ни встретились. Я всегда был уверен в существовании превосходства одного художника над другим; такой взгляд, по моему мнению, основан на истине и необходим для понимания истины. Однако я всегда остерегался унижать установившийся ранг известного художника и подвергал рассмотрению только его относительный ранг. Мое единственное желание и цель заключались не в том, чтобы уменьшить поклонение пред нынешними любимцами, а в том, чтобы возвысить поклонение пред теми, кто находится в настоящее время в пренебрежении. Я знаю, что возрастающее понимание и сознание истины и красоты, хотя оно может столкнуться с нашею оценкой сравнительного достоинства художников, неизменно увеличивает наше поклонение пред всеми истинно великими художниками. И тот, кто ставит Стенфилда и Колькотта выше Тернера, будет поклоняться Стэнфильду и Колькотту еще более, чем теперь, если он научится ставить Тернера выше их.

3. Только в трех случаях я отрицательно отнесся к произведениям современных художников. Но в этих трех случаях репутация художников утвердилась слишком прочно и в слишком широких сферах, чтобы пострадать благодаря суждению отдельного человека, и при том они дают право на это заслуженное им порицание тем, что осквернили высшие свои способности.

О старых мастерах я говорил гораздо свободнее. Но не следует забывать, что настоящая книга — только часть моего труда. В этой специальной части, говоря о специальных качествах, я мог делать несколько низкую оценку. Но из этого не следует заключать, будто я не сознаю других достоинств, понимание которых может обнаружиться только в следующих частях моего труда. Пусть не приписывают мне других намерений и мыслей, кроме тех, которые заключаются в моих словах, пусть не делают меня ответственным за выводы в тех случаях, когда я устанавливал только факт. Я сказал, например, что старые мастера не передавали правды природы. Если читатель пожелает сделать из этого вывод, что они вообще не были мастерами, это будет вывод его, а не мой.

4. Все положения, заключающиеся в этом труде, я старался построить исключительно на таких аргументах, которые должны держаться твердо или рушиться вследствие своей собственной силы; они должны заключать в себе указания на авторитеты и личности не больше, чем доказательства Эвклида. Впрочем, публике следует знать, что автор не только теоретик; он с ранней юности усердно занимался искусством и на практике.

Все общие утверждения о старых школах пейзажной живописи основаны на тщательном ознакомлении со всеми значительными произведениями искусства от Антверпена до Неаполя. Но когда желательно тщательное и непосредственное сравнение с произведениями, имеющимися в нашей академии, было бы бесполезно ссылаться на детали римских и мюнхенских картин, и было бы невозможно, говоря о картинах частных галерей, одновременно остаться справедливым по отношению к их владельцам и сохранить свободу по отношению к публике. Поэтому для иллюстрации тех выводов, которые я делал, насколько это было в моих силах, я ссылался на произведения Национальной и Дёльвической галерей.

5. В заключение я должен извиниться за несовершенство произведения, которое я хотел бы довести до конца только после многолетних размышлений неоднократного пересмотра. Благодаря тому, что я сознаю необходимость такого пересмотра, я решился предложить только часть своего труда. Но эта часть сама по себе есть законченное произведение и направлена специально против вопиющего зла, которое требует немедленного лекарства. Удастся ли мне вполне осуществить свое намерение, будет отчасти зависеть от того, как встретят настоящую книгу. Если ее припишут отвратительным побуждениям, желанию содействовать успеху частных интересов, то мало хорошего можно ждать от дальнейших усилий. Если же, напротив, будут поняты истинный смысл и цель этой книги, тогда я не побоюсь никаких трудов для выполнения той задачи, которая может, хотя бы и в слабой степени, помочь делу истинного искусства в Англии; осуществление этого намерения поселит уважение к тем великим современным мастерам, которых мы презираем и поносим для того, чтобы нашептывать наши льстивые речи в уши Смерти и славить нашими кликами тех, кто не требует нашей хвалы и пренебрегает нашу благодарностью.

АВТОР

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

1. Все самые выдающиеся писатели признали следующую истину в военной и морской тактике. Атака, которая производится постепенно отдельными дивизиями, требует существенного превосходства сил со стороны атакующего и такого сознания своего превосходства, которое дало бы мужество первым колоннам или передовому кораблю устоять в течение известного периода времени против подавляющего численностью неприятеля. Но, зато эта атака, если только стойко поддержать ее, гарантирует полное уничтожение противника. Я убежден в истинности, а вследствие этого в конечном торжестве и победе тех принципов, которые взял под защиту; равным образом я верю, что важность дела должна придать силу ударам каждого, даже самого слабого из его защитников. Поэтому я поддался несколько поспешному, пылкому желанию ринуться с каким бы то ни было риском в самую свалку и начал битву только с частью и при том с самой слабой, наименее значительной частью тех сил, которые находятся в моем распоряжении. И смело предложив публике настоящий том, я вижу теперь, что его положение сходно с положением короля при Трафальгаре, когда он один, без поддержки, встретил огонь половины неприятельского флота. Непредвиденные обстоятельства мешали до сих пор, и еще некоторое время не позволят, принять участие в деле моим более тяжелым линейным кораблям. В первые моменты борьбы я с некоторым беспокойством следил за одиноким судном. Теперь я больше не ощущаю этой тревоги: зная истины ярко развеиваются над дымящимся полем сражения, и мои противники, устремившие все внимание на разрушение моего передового корабля, потеряли свою позицию и, беззащитные, смятенные, открыли свой фронт атаке следующих колонн.

2. Впрочем, хотя у меня нет оснований раскисать в своем поспешном наступлении, поскольку дело касается окончательного исхода битвы, тем не менее я должен признать, что эта поспешность вызвала много недоразумений и несколько уменьшила влияние настоящего труда. Правда, он встретил такой прием, о котором я мечтал только в моменты самого разгара пылкой веры; правда, я с удовольствием узнал, что в некоторых случаях истинность провозглашенных мною принципов, благодаря силе убеждения, стала очевидной; даже в тех случаях, где моя книга не оказала другого влияния, она возбудила интерес, навела на вопросы, дала толчок к правильному и свободному сопоставлению искусства и природы.

Несмотря на все это, влияние настоящего труда было бы еще сильнее, если бы, как это, по-видимому, случилось со многими читателями, не возникло предположение, что эта книга — законченный трактат, заключающий в себе систематическое изложение всех моих взглядов на современное искусство. Меня поражает, что при такой точке зрения книга могла возбудить хоть малейшее внимание. В самом деле, разве можно отнестись с уважением к писателю, который имеет претензию критиковать и классифицировать произведения великих пейзажистов и при этом не развивает ни одного из принципов прекрасного или возвышенного, даже не делает намека на них? Это — не целый трактат, это — не более как введение к массе доказательств и иллюстраций, которые я представлю впоследствии. Здесь говорится только о первой ступени искусства, устанавливаются только элементарные правила критики, рассматриваются только те достоинства, которые достигаются точностью глаза и верностью руки; рассмотрение всякого отдельного качества той или другой картины, всего хорошего, что внушается чувством, всего великого, что руководится мышлением, я отложил до будущего времени. Цель и назначение этой книги менее всего должны были подвергнуться ложному толкованию: я не только в самом начале тщательно определил свой предмет, но на протяжении всей книги не раз ссылаюсь на те сочинения, которые должны последовать за нею; в них я постараюсь указать значение и ценность тех явлений внешней природы, которые до сих пор я принужден был описывать, не останавливаясь на их красоте и выводах, вытекающих из них.

3. Быть может, читатели простят мне, если я, желая устранить на будущее всякие недоразумения, займу их время подробным изложением тех чувств, с которыми я предпринял эту работу, остановлюсь на ее общем плане, а также на тех заключениях и положениях, которые я надеюсь в результате вывести и доказать.

Едва ли в чем-нибудь проявляется столько глупости, невежества и наглости, как в стремлении уменьшить славу тех, кого возвел на трон единодушное признание целого ряда поколений. Истинно великие люди последующих эпох, почти без исключения, воспитали в других то благоговение к гениям прошлого, которое они ощущали в себе самих. В своем полном смирении они довольствовались тем, что занимали место у ног людей, чья слава была озарена седыми веками, и думали о том времени, когда над их собственными главами скопится свет дней, удалившихся в вечность, и явится сияние, которое становится все более лучезарным, по мере того как оно отдалается. Застрельщиками нападения обыкновенно бывают завистливые и бездарные; они рады, если, подобно земной грязи, им удастся обратить на себя внимание хотя бы своею зловредностью или, подобно насекомым, стать заметными благодаря своей ядовитости. При *бесплодных* усилиях унижить покойных зависть скверных людей и наглость невежд иногда раскрываются

во всей своей наготе. Но хорошо было бы обсудить, не удастся ли этим людям более *успешно* унижать живых и избегать при этом обличения, не остается ли без отплаты такое же зло, без обнаружения такое же ничтожество при несправедливом унижении живых и несправедливом возвышении умерших сил, как это бывает тогда, когда хулители вступают на менее безопасный путь, когда этих критиков можно поставить рядом с Нероном и Калигулой, с Зоилом и Перро¹. Следует помнить, что истинный характер злословия обнаруживается только тогда, когда оно не имеет успеха и остается безнаказанным именно тогда, когда наносит величайший вред. Нельзя не признать одинаково возможной опасность того, что появление новых звезд может быть скрыто невидимыми туманами, как и того, что горящие в небесах звезды могут быть затемнены видимыми облаками.

4. Боюсь, что в сердцах большинства людей столько злости, что они обнаруживают главным образом скарედность в тех похвалах, которые могут принести величайшее удовольствие, и весьма щедры на похвалы, когда они не могут более доставить радости. Люди не жалеют белил для гробниц; какой бы славой ни окружали их, бесчувственный труп не может стать предметом зависти. Но они жадно прячут ту славу, которая может содействовать счастью или помочь благосостоянию. Они рады прослыть благородными и смиренными, вознося с этой целью тех, кого не достигнет хвала, и избавляясь от более тягостной необходимости — принести дань поклонения живому сопернику. Они охотно отстаивают превосходство, живущее только в воображении. Это дает им возможность утверждать, что современные творения ниже прошедших, и отвлечь внимание от той нежелательной для них истины, что эти выше других современных произведений. Это же чувство зависти скрывается в нашем отношении к отрицательной критике. Люди обыкновенно находят больше удовольствия в критике, которая наносит вред, чем в той, которая безвредна, и проявляют больше терпимости к строгости, разбивающей сердца и счастье, чем к той, которая бессильно падает на могилы.

5. Хорошо выразился в этом смысле добрый и глубоко мыслящий Ричард Гунер: «Лучшим и умнейшим людям при жизни мир всегда оказывал суровое противодействие. Тщательно выискивая их недостатки и пороки при жизни, он впоследствии столь же горячо преклонялся пред их достоинствами. И часто поэтому качества, заслуживающая поклонения, не встретили бы даже благосклонного к себе отношения, если бы обладатели этих качеств не заявляли себя скромно учениками и последователями великих предшественников. В са-

¹ Шарль Перро (Perrault, 1628–1703 гг.), известный французский писатель, противник ложноклассического направления в литературе, очень низко ценивший величайших писателей античного мира, вел продолжительную и страстную полемику с Буало, Расином и другими сторонниками классицизма.

мом деле, люди не захотят и слушать, будто мы умнее наших предков» (кн. V, гл. VII. 3). Поэтому тот, кто пожелал бы защищать достоинство современников пред достоинством предков, возбудил бы против себя все классы: людей благородных — потому что они не нашли бы в установившихся репутациях того, что заслуживает порицания, завистливых — потому что им противен звук похвал по адресу живых людей; мудрых — потому что они предпочитают мнение столетий тому, которое создано днями; безрассудных — потому что они не способны составить собственное мнение. Столь единодушный отпор отобьет у всякого охоту рисковать; те немногие, которые стараются идти против течения, имея в виду свои собственные произведения, заслуживают презрения, которое бывает их единственной наградой. И не следует жалеть о таком взгляде общества. Он оказывает благотворное влияние на успех и сохранение всего, касающегося техники, всего, что можно сообщать другим. Уважение к предкам есть спасение искусства, хотя оно иногда ослепляет нас относительно своих *целей*. Оно увеличивает силы художника, хотя уменьшает его свободу. И если оно по временам мешает нашей изобретательности, то гораздо чаще оно является предохранителем против излишней смелости. Вся система и дисциплина искусства, коллективные результаты векового опыта, если бы не установленный авторитет предков, могли бы быть сметены вихрем моды или погибнуть в ослепительном блеске новинок. Знания, которые с трудом накапливались веками, принципы, до которых мощные мыслители доходили только к концу жизни, могут быть ниспровергнуты мятежным безумием и забыты в момент наглой дерзости.

6. Убеждение в превосходстве предшествующих творений по своей распространенности не только полезно, но и справедливо. Большинство этих творений бывает и должно быть неизмеримо выше, чем произведения данного времени. В самом деле, все, что есть лучшего в творчестве четырех тысячелетий, в своем целом, конечно, стоит вне всякой конкуренции по сравнению с созданиями каждого данного поколения. Но тем не менее необходимо помнить следующее. Навероятно, чтобы некоторые, и невозможно, чтобы все предшествующие произведения, хотя бы даже величайшие из них, достигли безусловного совершенства. Нам всегда останется кое-что для продолжения и усовершенствования. Каждое поколение имеет столько же шансов произвести сильный первоклассный ум, как и предшествующие. И если подобный ум явится, то существует вероятность, что с помощью опыта и образца он на специально избранном пути создаст творения выше прежних.

7. Вследствие этого мы должны быть осторожны и не терять из виду действительной пользы того, что оставлено нам прошедшими временами, и не считать за образец совершенства то, что в некоторых случаях только направляет к нему. Картина, цель которой — истолкование природы, не имеет цены, но картину, которой имеется

в виду заменить природу, лучше сжечь. Молодой художник должен с ужасом отвернуться от иконоборца, который пожелал бы отнять у него всякую путеводную нить и свет, завещанные предками, и оставил бы его умышленно в ребяческом состоянии. Но равным образом молодой человек должен знать, что предательски поступит с ним и тот, кто передаст ему свое знание, все силы прошедших времен, а затем свяжет его собственную силу, остановит ее развитие и обратит его взоры назад, на избитые пути, кто протянет покрывало между ним и небесами, кто поставит традицию между ним и Богом.

8. Этого одностороннего учения следует опасаться тем более, что все высшее в искусстве, все, относящееся к творчеству и фантазии, каждый художник образует и создает самостоятельно; в этом отношении не может быть повторения или подражания. О достоинствах начинающего писателя мы судим не столько по сходству его произведений с прежними, сколько по их отличию от тех. Мы, правда, советуем ему при первых опытах иметь в виду известные образцы, но это относится к второстепенным пунктам — либо к версификации, либо к расположению частей, либо к способу передачи; его же самого мы не признаем великим, пока он, разорвав с своими образцами, не двинет вперед сам и версификацию, и расположение, и способ передачи.

9. Я считаю необходимыми чтобы современные критики имели особенно в виду три пункта. Во-первых, немного, очень немного есть произведений прежнего времени, даже среди самых лучших, которые бы не имели легко заметных недостатков в том или другом отношении или не допускали усовершенствования при дальнейших стараниях; всякий народ, может быть, всякое поколение, обладает, по всей вероятности, некоторыми специальными дарами, особым складом ума; это дает возможность ему создать нечто лучшее, чем прежние творения. И если только искусство — не выдумка, не фабричное изделие, секрет которого утерян, то величайшие умы существующих народов, если они проявят то же усердие, ту же страсть, те же честные стремления, что и умы прошлого, имеют все шансы на то, чтобы создать столь же великие произведения, и даже еще более великие и лучшие, так как они могут с выгодой воспользоваться прежними образцами. Трудно постигнуть, при помощи каких логических законов некоторые критики предлагаемого трактата истолковали его первое суждение в смысле отрицания этого принципа, того отрицания, которое неизменно сквозит в их собственной односторонней и поверхностной критике современных произведений. Я сказал: «Все, что освящено вековым поклонением народов, обладает всегда в *высокой* степени *каким-нибудь* истинным достоинством». Следует ли отсюда, что оно обладает *всеми* достоинствами в *наивысшей* степени? «Таким образом, — восклицает мудрый критик, — он допускает тот факт, против которого сам главным образом восстает, именно допускает превосходство этих чтимых веками произведений», как будто

обладание достоинствами известного рода и в известной степени неизбежно включает в себя обладание несравненными достоинствами всех родов. Немного есть столь совершенных человеческих произведений, который бы не допускали даже мысли о возможности быть превзойденными. Существуют тысячи произведений, которые народное поклонение освящало в продолжение столетий и будет освящать также в следующие века, но эти произведения все-таки несовершенны в некоторых отношениях, и, конечно, можно превзойти их творцов. Или мои оппоненты хотят сказать, что хорошее не может быть никогда улучшено, и то, что является наилучшим в прошедшем, вместе с тем есть наилучшее во все времена? Перуджино, по моему мнению, обладает многими истинными достоинствами, но Рафаэль превзошел Перуджино. Клод имеет много преимуществ, но из этого не следует, что его не мог превзойти Тернер.

10. Второй пункт, на котором я настаиваю, заключается в следующем. Если бы появился такой могучий дух, который мог бы произвести равные или высшие творения, чем величайшие создания прошлых веков, то произведения этого ума совершенно бы отличались от всех прежних как по форме, так и по содержанию. Чем более велик интеллект, тем менее его произведения похожи на творения других людей, все равно — являются ли они его предшественниками или современниками. Благодаря этому обыкновенно думают, что произведение, не подходящее под священные законы, установленные до него, *должно* быть ниже других и ошибочно в принципе. Но такое соображение неверно. Скорее следовало бы признать, что именно, благодаря своему особенному характеру это произведение заключает в себе новый, быть может, высший закон. Если какое-нибудь произведение нашего времени имеет за собою авторитет природы и основано на вечных истинах, тогда его полное различие со всем предшествующим скорее говорит в его пользу и служит доказательством его силы¹.

11. Третий пункт, на котором я настаиваю, состоит вот в чем. Если бы явился такой дух, он сразу разделил бы весь критический мир на две партии: одна неизбежно, более многочисленная и крикливая, образовалась бы из людей, составляющих свое суждение

¹ Этот принцип опасен, но он от того не менее верен, и его необходимо иметь в виду. Едва ли существует хоть одна истина, которая влечет за собой искажения с дурными целями. Мы не можем говорить, что оригинальность нежелательна, только на том основании, что можно ошибиться, отыскивая ее, или по той причине, что подделка под нее может стать прикрытием бездарности. Однако оригинальности никогда не следует искать ради нее самой, иначе она будет просто нелепостью. Она должна возникнуть естественно из тщательного, свободного изучения природы; следует помнить, что некоторых технических сторон нельзя изменять, не понизив их, потому что, как выразился Спенсер, «истина — одна и правильность — всегда одна», но погрешности — разнородны и многочисленны.

только на основании прецедентов, не способных понять истину в ее целом и постигающих только такие специальные истины, которые можно иллюстрировать или доказать только при помощи прежних произведений; эти люди, конечно, станут неистовствовать в своих нападениях; их злоба будет расти по мере того, как художник будет все более удаляться от их специальных, давно установленных и священных для них законов, по мере того как он будет наносить все большие раны их тщеславно, опровергая их суждение. Другая группа людей, меньшая числом, людей с широкими знаниями, свободных от предрассудков и предвзятых суждений, увидит в творении отважного новатора изображение и иллюстрацию фактов, до него еще не отмеченных. Эти люди справедливо и искренне определяют ценность переданных таким образом истин; энтузиазм их будет расти по мере того, как учитель их будет все дальше, все глубже и отважнее погружаться в области, дотоле неисследованные и неведомые; и число этих людей будет уменьшаться с увеличением их восторгов. Действительно, чем порывистее становится шествие их вождя, чем стремительнее он в своем успехе, чем выше в своих поисках, тем меньше число лиц, способных следовать за ним. Допустив, наконец, что в его поступательном движении не будет остановки, мы должны предположить, что в кульминационный момент, в апогее своей работы он будет покинут почти всеми; только немногие останутся верны ему; бывшие ученики отпадут от него; число и ядовитая злоба врагов удвоятся; свидетельством его верховенства останется серьезное изучение открытых и переданных им истин, которому будут посвящены много человеческих жизней.

12. Такой дух явился в наши дни. Он приобретает все новые и новые силы, открывая области, которые он сам специально завоевывает. Он вызвал раскол в критических школах как и следовало предвидеть; теперь он в зените своего могущества и, *как следствие этого*, в последнем фазисе своей гибнущей популярности.

Я знаю это и могу доказать. Всякий человек, говорит Соути, постигнув какую-нибудь великую истину, не может не почувствовать в себе способности и желания сообщить ее другим. Провозглашая и доказывая первенство этого великого художника, я одновременно сослужу службу делу истинного искусства и получу возможность иллюстрировать некоторые правила пейзажной живописи, которые всюду применяются, но до сих пор не признаны.

Я не рассчитываю произвести что-нибудь вроде непосредственного действия на общественное сознание. «Мы заблуждаемся, говорит Ричард Банкстер, — насчет человеческих болезней, когда думаем, что для излечения их от заблуждений нужно только сделать очевидной истину. Увы! Нужно устранить некоторые изъяны ума, прежде чем представлять им эту очевидность». Тем не менее, представив им ее, я исполню свой долг. Убеждение явится в свое время.

13. Я не считаю нужным обращаться или иметь дело с ординарными критиками прессы. Их статьи не руководители, а только выразители общественного мнения. Человек, пишущий для газеты, естественно, по необходимости старается, насколько он может, идти навстречу чувствам большинства своих читателей. От этого зависит его кусок хлеба. Лишенный по самой природе своих занятий возможности приобретать какие бы то ни было сведения в искусстве, он уверен, что может прослыть сведующим, выражая мнение своих читателей. Он предаёт посмеянию картину, мимо которой равнодушно проходит публика, и осыпает похвалами те полотна, которые теснящаяся возле них толпа скрывает от него.

Писатели, подобные нынешнему критику «Magazine» Блэквуда¹, заслуживают большего уважения, того уважения, которое принадлежит честному, безнадежному и беспомощному слабоумию. Есть что-то возвышенное в безвредности их слабоумия; нельзя заподозрить их в партийности, потому что последняя предполагает чувство, или в предубеждении, потому что оно требует некоторого предварительного знакомства с предметом. Я не знаю, можно ли указать, даже в наш век шарлатанства случай более наглого надувательства публики, чем появление этих критических произведений в почтенном периодическом издании. Я не столько был бы возмущен, если бы человек, не знающий нот, стал судить о музыке, или не знающий азбуки, стал писать трактат по филологии. Но тут одна страница за другой исписаны критикой; вы можете прочесть их все от начала до конца, желая доискаться каких-нибудь знаний автора, и не найдете ничего. Он не знает собственного языка, потому что принужден искать, по собственному признанию, в словаре то слово, которое встречается в одной из важнейших глав Библии; не имеет обыденнейших сведений относительно школ: ему неизвестно, почему Пуссен был назван «ученым»²; не знает символов веры искусства, так как

¹ Следует пожалеть, что в такой книге, как моя, я обратил внимание на критиков, которые в сущности имеют в виду развлечь беспечных читателей и которых забывают тотчас по прочтении. Но я делаю это, уступая желаниям, которые мне высказывались после появления этого труда людьми, близко принимавшими к сердцу интересы искусства; они придали этому вопросу большее значение, чем склонен был придать ему я. Поэтому я остановился на двух-трех местах, которые дадут возможность публике самой судить о качествах этой критики. Это — материал для правильного суждения тем, кого могли бы ввести в заблуждение мои критики. Более этого я не согласился бы дать. Мне пришлось бы исполнять обязанность собаки, если бы я стал с лаем сдирать верхний покров с каждого Rouge Sanglier искусства.

² Всякий школьник знает, что этот эпитет был дан Пуссену за обширные сведения художника по классическому миру. Между тем критик сообщает, что это выражение относится к его таланту в композиции.